

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ К ОСТРОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: СРАВНЕНИЕ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМОСТИ

Илья Васильевич Дудин

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

dudiniv99@mail.ru,

ORCID 0000-0002-0025-9958

Для цитирования: Дудин И. В. Объективные факторы отношения населения современной России к остроте социальных противоречий: сравнение степени значимости // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 57–80. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.3. EDN XYPSQF.

Аннотация. Восприятие межгрупповых противоречий определяется как объективным положением индивидов в системе социально-экономических неравенств, так и их субъективными мировоззренческими установками. При этом в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных учёных находятся обычно субъективные факторы, хотя на отношение индивидов к социальным конфликтам способны оказать существенное воздействие и их объективные характеристики. Предикторы отношения россиян к различным противоречиям и их сравнительная значимость изучены недостаточно, что обуславливает актуальность проблематики в условиях кардинальных изменений в стране и мире, а также обострения внешних вызовов для России в последние годы. Исследование направлено на анализ обстоятельств, обусловивших тот факт, что традиционным для массового сознания населения России в последние десятилетия является болезненное восприятие многих межгрупповых противоречий. Выявлена новая тенденция: набор беспокоящих россиян социальных противоречий за последние 20 лет изменился довольно сильно. В статье на данных репрезентативного общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2024 года с использованием регрессионного анализа выявлены наиболее значимые объективные факторы, определяющие ощущение граждан страны, что в российском обществе присутствуют острые межгрупповые противоречия. Установлено в частности, что на болезненность восприятия межгрупповых противоречий действуют прежде всего такие объективные факторы, как проживание в характеризующихся наибольшей глубиной социальных неравенств Москве и Санкт-Петербурге, нисходящая динамика материального положения, а также наличие в повседневной жизни за год перед опросом серьёзных проблем. При этом для работающей части населения страны большое значение имеют также уровень образования, продолжительность рабочей недели и своевременность выплаты заработной платы, а среди неработающих респондентов вероятность болезненного восприятия противоречий (дополнительно к общим для всех россиян факторам) повышена у мужчин и семейных респондентов.

Ключевые слова: социальные противоречия, межгрупповые конфликты, межгрупповые противоречия, консолидация общества, социальная напряжённость, массовое сознание

Введение

Каждое общество обладает своими уникальными особенностями, включая характерные для него социальные противоречия. Однако среди них всегда присутствуют те противоречия, которые воспринимаются людьми острее всего. Это восприятие зависит от многих факторов, которые можно условно разделить на объективные, отражающие реальное место индивида в системе неравенств (уровень дохода или образования, место проживания и т. д.), и субъективные, отражающие его мировоззренческие установки, в том числе и восприятие им своего места в этой системе.

В современной литературе широко распространено мнение, что именно субъективные характеристики способны сильнее всего повлиять на восприятие межгрупповых противоречий и конфликтов. Однако это не значит, что объективные факторы, со своей стороны, не оказывают влияние на оценки россиянами социальных конфликтов. Наоборот, они также имеют большую значимость для формирования отношения к реальности, будучи неразрывно связаны с общей картиной восприятия окружающего мира.

Целью исследования автор выбрал оценку сравнительной значимости различных объективных факторов восприятия россиянами основных межгрупповых противоречий. Исходя из этой цели определены объект, предмет и задачи исследования. Объектом выступает население страны как носитель массового сознания, предметом – объективные факторы восприятия россиянами рассматриваемого противоречия. В ходе анализа данных выполнены следующие задачи: выделены объективные факторы, которые потенциально могут способствовать острому восприятию населением России основных межгрупповых противоречий; осуществлена оценка сравнительной значимости этих факторов методом регрессионного анализа; определены перспективы и характер динамики восприятия населением страны основных межгрупповых противоречий российского социума.

Методологические и методические предпосылки исследования

В настоящее время в научном дискурсе принято считать, что в число факторов, определяющих восприятие межгрупповых противоречий, входят как объективное место граждан в системе социально-экономических неравенств, так и их мировоззренческие особенности, включая отражение этого места в массовом сознании [1; 2]. Одним из ключевых объективных факторов восприятия противоречий поэтому считают обычно доступность каналов социальной мобильности для индивида. Концепция «туннельного эффекта» А. Хиршмана предполагает, что восходящая социальная мобильность повышает терпимость

массовых слоёв населения к любым проявлениям социальных неравенств. Только в таком случае неравенства становятся для населения легитимными [3]. И напротив – нисходящая мобильность, как своя, так и «таких же людей, как они сами», снижает толерантность к межгрупповым неравенствам и, соответственно, противоречиям между различными социальными группами.

Данный тезис находит подтверждение у В. Е. Гимпельсона, который отмечает, что индивиды, успешно использующие «социальные лифты», демонстрируют бóльшую готовность к принятию существующего неравенства, в то время как «спускающиеся» вниз склонны выступать за ограничение неравенства. Острота восприятия социальных неравенств снижается и по мере роста доходов населения, сокращения бедности и расширения каналов мобильности [4]. Е. В. Реутов и его коллеги также выделяют важность расширения каналов социальной мобильности для менее острого восприятия социальных неравенств, при этом акцентируя своё внимание и на таких аспектах, как повышение уровня доходов основной массы населения и снижение уровня бедности [5].

Среди прочих особо значимых объективных факторов восприятия межгрупповых противоречий исследователи выделяют состояние здоровья [6], а также доступ к качественной медицинской помощи и образованию [7]. Так, И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева акцентируют внимание на особой важности этих факторов для восприятия социально-экономических неравенств в России, подчёркивая обострённый запрос на социальную справедливость среди пожилых и малообеспеченных граждан [8]. Ё. Козал и Г. Гюнал в своём исследовании с использованием логистической регрессии также обращали внимание на то, что восприятие неравенств, в особенности экономического характера, тесно связано как с субъективными оценками людьми своего материального благополучия и общей удовлетворённостью их своей жизнью, так и с такими объективными параметрами, как место жительства и уровень образования [9].

При рассмотрении факторов, формирующих восприятие социальных противоречий, стоит обратить внимание и на причины, обуславливающие возникновение социальной напряжённости и её эскалацию в социальные противоречия и конфликты. К их числу В. И. Глотов и его коллеги относят такие экономические факторы, как снижение уровня жизни населения, недостаточный объём социальной поддержки, высокую долговую нагрузку при низкой платёжеспособности и несвоевременную выплату заработной платы [10]. В социально-трудовой области, по их мнению, напряжённость провоцируют высокий уровень криминогенности, распространение социально значимых заболеваний, рост безработицы, обострение трудовых конфликтов и низкий уровень защищённости прав работников. Политические предпосылки возникновения напряжённости включают низкую оценку эффективности деятельности региональных органов власти и идеологическую поляризацию общества. Кроме того, значимым фактором является неблагоприятная экологическая ситуация, проявляющаяся в наличии многочисленных мусорных полигонов, высоком уровне загрязнения атмосферы и водных объектов [10].

Зарубежные исследователи, как и отечественные, обращают внимание на то, что неравенство доходов усугубляет восприятие конфликтов и даже классовую поляризацию. Так, Маркез-Ромо утверждает, что это неравенство усиливает восприятие конфликтов почти во всех социальных группах, причём сильнее всего этот эффект проявляется среди людей, занимающих низкое социально-экономическое положение, а слабее всего и менее устойчив он среди представителей верхнего слоя среднего класса [11]. Хертель и Шёнек продемонстрировали, что граждане стран с большей долей домохозяйств со средним доходом, а также с более высокими показателями ВВП на душу населения и Индекса человеческого развития, реже говорят о наличии в их обществах острых социальных противоречий [12].

В. Рансиман считает, что объективные различия в доходах, образовании, социально-профессиональном статусе и доступе к ресурсам формируют предпосылки относительной депривации, которая, в свою очередь, способствует росту конфликтности и ощущения несправедливости происходящего в обществе [13]. Подобной точки зрения придерживаются также С. Шнайдер [14] и Е. Хаддон [15]. Они показали, что реальные уровни экономического неравенства и характер распределения доходов влияют на субъективные оценки социальной справедливости. При этом люди, находящиеся на более низких социальных позициях по доходу, образованию или классовой принадлежности, склонны воспринимать социальную систему как менее легитимную и более конфликтную.

Тесно связана с перечисленными выше экономическими факторами, усугубляющими восприятие социальных противоречий, и территориальная структура. М. Ву и его коллеги продемонстрировали, что место проживания и во многом обусловленная этим доступность ресурсов влияют на восприятие неравенства и социальных противоречий [16]. В сельских или периферийных регионах выраженность относительной депривации, как правило, выше из-за объективно более низкой доступности инфраструктуры и возможностей развития. Г. Тот и его коллеги показали, что урбанистические и пространственные факторы (жилищная сегрегация, планировка города) влияют на социальную изоляцию и – опосредованно – на восприятие неравенства/противоречий [17].

Вместе с тем влияние объективных характеристик, выступающих в стабильные экономические периоды значимыми детерминантами восприятия неравенств, может нивелироваться в периоды быстрых социальных трансформаций. Согласно Ж. Т. Тощенко, в условиях кризиса и нестабильности такие объективные характеристики, как уровень образования, доходов или квалификации, утрачивают свою силу в массовом сознании, уступая первенство субъективным эмоциональным оценкам происходящих перемен [18].

Существенный вклад в понимание механизмов восприятия социальных противоречий внесли и исследования объективной депривации. С. Т. Кво и его коллеги показали, что объективная депривация (нестабильная занятость, ограниченный доступ к ключевым социальным услугам и т. п.) формирует психологические и поведенческие последствия, сопоставимые по силе с субъективными

ощущениями несправедливости. Это подтверждает взаимодополняемость объективных и субъективных факторов восприятия межгрупповых противоречий [19].

В отечественной литературе обращалось внимание также на то, что отношение населения к проблеме противоречий российского общества влияет на отношение к несправедливости сложившихся в обществе «правил игры» и недоверие к большинству институтов власти. При этом на отношение к разным противоречиям оказывают воздействие разные группы факторов, а у ощущения отсутствия в обществе острых противоречий – свой набор детерминант [20].

Важный вывод из всего вышесказанного заключается в том, что влияние объективного положения индивида на его восприятие социальных противоречий проявляется как напрямую, прежде всего через уровень его доходов, так и опосредованно, через его субъективно воспринимаемый социальный статус, опыт дискриминации или ожидания мобильности. Важную роль при этом играет и групповая принадлежность, находящая отражение в идентичностях человека (классовых, слоевых и т. д.).

В целом анализируемые работы подтверждают также, что восприятие социальных противоречий является результатом не просто сосуществования, а сложного взаимодействия объективных структурных факторов и субъективных оценок. Доход, образование, возраст, место проживания, социальные сети, доступ к ресурсам и возможности мобильности – все эти параметры формируют устойчивые различия в оценках справедливости, конфликтности и легитимности социальной системы, оказывающих, в свою очередь, значимое влияние на восприятие остроты межгрупповых противоречий в обществе. Взятые в совокупности, упомянутые выше исследования дают основание утверждать, что влияние на восприятие социальных противоречий не могут оказать исключительно объективные или субъективные причины – они связаны друг с другом как в материальных условиях жизни индивидов и социальных групп, так и в их мировоззренческих установках. Однако для оценки характера их взаимосвязи и сравнительной значимости в условиях многочисленности этих факторов и ограничений методов регрессионного анализа необходимо сначала выделить как наиболее значимые объективные факторы, так и наиболее значимые субъективные факторы, обуславливающие остроту восприятия межгрупповых противоречий в обществе. В данной статье решалась первая из этих задач, связанная с определением сравнительной значимости для формирования этого восприятия различных объективных факторов.

Методика и результаты применения метода регрессионного анализа для населения в целом

С целью определить сравнительную значимость влияния объективных факторов (в т. ч. объективного материального благополучия) на отношение населения к наличию и остроте социальных противоречий в современном российском обществе использовался метод логистической регрессии. Для отбора показателей был проведён корреляционный анализ взаимосвязей

всех без исключения переменных объективного характера из массива данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН¹. Этот анализ основывался на использовании коэффициента корреляции Спирмена. Основой для последующего построения моделей логистической регрессии послужили переменные, показавшие в ходе этого анализа наибольшую значимость связи с утверждениями об отсутствии каких-либо острых межгрупповых противоречий в российском обществе. Именно эти утверждения и послужили зависимой переменной для построенных регрессий. Помимо регрессии использовались таблицы сопряжённости, данные которых позволили установить степень статистической значимости выявленных связей (применялся критерий хи-квадрат).

Отбор переменных для регрессий был направлен на максимальное сокращение в ходе анализа числа включаемых в анализ переменных за счёт выявления наиболее значимых из них. При этом корреляционный анализ позволил исключить мультиколлинеарные переменные, которые могли бы негативно сказаться на качестве построенных моделей, исказив результаты анализа.

Само построение моделей происходило в несколько этапов. Для первой модели были отобраны социально-демографические характеристики, которые являются традиционными основаниями для выделения социальных групп, поэтому она была названа нами «базовой». Именно на её основе были построены все последующие модели, включившие в себя другие объективные переменные. Показатели, вошедшие в базовую модель, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Описание независимых переменных, вошедших в базовую модель регрессионного анализа

Показатель (n = 2000)	Распределение значений
Пол	<ul style="list-style-type: none"> • Мужской – 46,7% (база) • Женский – 53,3%
Наличие занятости	<ul style="list-style-type: none"> • Не работают – 29,5% (база) • Работают – 70,5%
Наличие профессионального образования и его уровень	<ul style="list-style-type: none"> • Без профессионального – 16,5% (база) • Среднее профессиональное или незаконченное высшее – 50,0% • Высшее – 30,4% • Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук – 3,1%

¹ Мониторинг состояния массового сознания россиян реализуется при поддержке Российского научного фонда в рамках нескольких поддержанных РНФ проектов, начиная с 2014 года. 15-я его волна, данные которой используются в статье, проводилась в апреле 2024 г. по общероссийской многоступенчатой квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, а внутри них – по типам поселений, социально-профессиональному статусу (согласно классификации ФСГС РФ), полу и возрасту.

Окончание таб. 1

Показатель (n = 2000)	Распределение значений
Тип населённого пункта	<ul style="list-style-type: none"> • Москва и Санкт-Петербург – 12,6% (база) • Центры субъектов РФ – 27,2% • Прочие города – 29,1% • Сёла и ПГТ – 31,1%
Возраст	• Непрерывная переменная, значения от 18 до 88 лет

Прежде всего стоит отметить, что в этой модели в качестве базовых использовались те факторы, которые в теории сильнее всего влияют на обострённое восприятие противоречий. Так, в научном дискурсе представлены мнения, что не работающие, не имеющие профессионального образования, проживающие в мегаполисах, а также мужчины склонны острее относиться к имеющимся в обществе противоречиям [17, 21]. Далее к базовой модели поочерёдно добавлялись иные объективные факторы, показавшие наибольшую значимость при корреляционном анализе. Список этих переменных представлен в таблице 2.

Таблица 2

Описание независимых переменных объективного характера, вошедших в последующие модели

Показатель	Распределение значений
Изменения в материальном положении за последний год, n = 1922	<ul style="list-style-type: none"> • Ухудшилось – 22,9% (база) • Улучшилось – 77,1%
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Сталкивались – 71,8% (база) • Не сталкивались – 28,2%
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Есть – 7,4% (база) • Нет – 92,6%
Доходы от собственности, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Нет – 96,1% (база) • Есть – 3,9%
Логарифм индивидуального дохода, n = 1881	• Непрерывная переменная

Представленные в таблице 2 дополнительные независимые переменные объективного характера также неоднократно упоминаются в литературе как значимые в связи с проблематикой восприятия межгрупповых противоречий. Так, среди не упомянутых в рамках теоретического обзора научных публикаций представлены в том числе и мнения, что семьи с инвалидами чаще несут дополнительные финансовые затраты (на медикаменты, транспорт, адаптацию жилья). Кроме того, для них характерно снижение дохода из-за ухода, а также ограниченный доступ к социальным службам – это повышает их чувствительность к политике распределения ресурсов, к ресурсам социальных сетей и к дискриминации на рынке труда. Когда базовые потребности и права ставятся под

вопрос, даже абстрактные или мелкие социальные противоречия воспринимаются как угроза личному благополучию [22].

Если говорить о важности доходов от собственности (от сдачи в аренду, от вкладов и т. д.), то стоит обратить внимание на тот факт, что наличие собственности и возможность дохода от неё связаны с более высоким уровнем социального доверия и ощущением автономии. Те, кто обладают собственностью и имеют от неё доход, воспринимают других индивидов менее враждебно и ощущают меньшую зависимость от ресурсов своих социальных сетей или общества в целом, а также реже видят угрозы для себя [23].

Неоднократно отмечалась в литературе, как было показано в теоретическом обзоре, и роль для восприятия межгрупповых противоречий социальных неравенств различного характера, а также таких представленных в таблице 2 характеристик индивидов, как динамика материального положения, уровень доходов, столкновение с серьёзными проблемами в повседневной жизни.

По результатам предварительного корреляционного анализа различных объективных характеристик респондентов и отсутствия у них восприятия каких-либо межгрупповых противоречий было установлено, что некоторые из представленных в таблице 2 факторов продемонстрировали подобную связь – статистически значимую, хотя и слабую. Так, коэффициент корреляции Спирмена составлял для фиксации наличия в российском обществе острых межгрупповых противоречий респондентами и изменений в их материальном положении за последний год $0,155^{**1}$, а для наличия за последний год каких-либо серьёзных проблем – $0,190^{**}$.

В ходе добавления к базовой модели логистической регрессии дополнительных независимых переменных были построены пять промежуточных моделей и одна итоговая, содержащая в себе сразу все рассматриваемые переменные. Результаты по базовой и итоговой моделям представлены в таблице 3, а по промежуточным моделям – в таблице 1 Приложения.

Таблица 3

Результаты построения регрессионных моделей с дополнительными индикаторами

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Пол (база – мужской)	0,141	0,207
Возраст	-0,004	0,007
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>		
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,101	0,138
Высшее образование	0,400	0,278

¹ Знак ** у показателей коэффициента корреляции Спирмена означает, что корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Окончание таб. 3

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,223	-0,627
Наличие занятости (<i>база – не работающие</i>)	-0,255	-0,121
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>		
Областные, краевые, республиканские центры	0,788**	0,999**
Районные центры и города, не являющиеся районными	0,925***	0,830*
ПГТ и сёла	1,447***	1,493***
Изменения в материальном положении за последний год (<i>база – ухудшилось</i>)	-	1,465***
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (<i>база – сталкивались с проблемами</i>)	-	0,954***
Логарифм индивидуального дохода	-	-0,188
Доходы от собственности (<i>база – нет таких доходов</i>)	-	-0,232
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (<i>база – есть</i>)	-	0,013

В таблицах приведены значения коэффициентов β при соответствующих независимых переменных, *** – 1-процентный уровень значимости, ** – 5-процентный уровень значимости, * – 10-процентный уровень значимости коэффициентов. Жирным шрифтом здесь и ниже выделены показатели, превышающие 0,700.

Прежде всего, стоит проанализировать результаты по данным базовой модели. Наиболее значимым для восприятия каких-либо противоречий как острых оказался тип поселения, при этом показатели его значимости были очень высокими ($\beta = 1,447$ у жителей сельской местности). Это сопоставимо с выводами М. Ву [16] и демонстрирует, что знаменитое противоречие «между городом и селом» до сих пор имеет огромное значение. Прослеживается и зависимость остроты восприятия противоречий от административного статуса населённого пункта – чем он выше, а следовательно, чем глубже социальные неравенства в силу большей сложности социальной структуры, тем острее его жители склонны воспринимать существующие в российском обществе социальные противоречия.

Данные таблиц сопряжённости подтверждают этот вывод. Так, только 6,3% жителей двух столиц не видят в современной России острых противоречий, в то же время среди проживающих в сёлах и ПГТ этот показатель выше в 3,5 раза – 21,9%. Эти данные соотносятся и с уже отмечавшейся в литературе закономерностью, что для москвичей и петербуржцев характерно более острое восприятие многих межгрупповых противоречий в современной России [24]. Подобные результаты могут отчасти объясняться тем, что Москва и Санкт-Петербург не только отличаются наиболее глубокой социальной дифференциацией, но и представляют повышенный интерес как для мигрантов из других регионов страны, так и для иностранцев, прибывших из стран постсоветского

пространства. В итоге повышается конкуренция на рынке труда, появляется угроза размывания привычного образа жизни, актуализируется необходимость сохранения собственной культуры. Как следствие – повышенная напряжённость и болезненность восприятия социальных противоречий не только экономического, но и социокультурного характера.

В дополнительных объективных переменных, которые были последовательно добавлены в модели 1–5 (табл. 3), особое внимание привлекают две: динамика материального положения (модель 1) и наличие у респондентов серьёзных проблем за год до опроса (модель 2). Оба фактора способствуют более болезненному восприятию окружающей действительности, в том числе и межгрупповых противоречий. Высокая значимость этих переменных сохранилась и в итоговой модели.

Подобные результаты можно наблюдать и в анализе с использованием таблиц сопряжённости. Так, испытавшие положительные изменения в своём материальном положении за последний год примерно в 3,5 раза чаще не видят острых противоречий в российском обществе в сравнении с теми, кто испытал его негативную динамику, – 18,0% против 5,3% соответственно. Ещё больше показатель доли не видящих острых противоречий среди тех, кто не сталкивался за последний год с серьёзными проблемами, – 26,4%.

Отдельно обратим внимание на переменную, отображающую наличие у респондентов высшего образования. При этом стоит отметить парадоксальность полученных результатов: обладатели высшего образования склонны спокойнее воспринимать межгрупповые противоречия. Однако имеющие два высших образования или степень магистра и выше, наоборот, видят противоречия в современном российском обществе заметно чаще респондентов с другими уровнями образования. При этом такие переменные, как возраст, пол и индивидуальный доход не продемонстрировали статистически значимой связи.

Таким образом, построенные модели логистической регрессии показали, что из объективных факторов больше всего на остроту восприятия противоречий влияют тип поселения по месту жительства (причём острее всего воспринимают межгрупповые противоречия жители столичных мегаполисов, а спокойнее всего относятся к ним жители сельской местности), нисходящая динамика материального положения и наличие в жизни респондентов за год перед опросом серьёзных проблем.

Особенности восприятия остроты межгрупповых противоречий работающими и неработающими россиянами

В ходе анализа было обнаружено, что восприятие межгрупповых противоречий сильно различается у работающих и неработающих россиян (несмотря на, казалось бы, невысокие показатели самой переменной «наличие занятости» в вышеописанных моделях регрессии). Поэтому было решено провести дополнительный регрессионный анализ значимости объективных факторов для

остроты восприятия противоречий работающими и неработающими респондентами.

Модели для логистической регрессии по работающим и неработающим россиянам были построены по тому же принципу, что и общие: для базовой модели использовались те же ключевые социально-демографические характеристики респондента и далее к ней поочередно добавлялись различные независимые переменные. Всего было добавлено 8 таких переменных, представленных в таблице 4.

Таблица 4

Описание независимых переменных, вошедших в модели регрессии по работающим респондентам

Показатель	Распределение значений
Профессиональный статус, $n = 2000$	Рабочие до 4-го разряда включительно – 21,5% (база)
	Рабочие от 5-го разряда и выше – 14,1%
	Работники сферы торговли и бытового обслуживания – 15,0%
	Специалисты на должностях, не предполагающих высшее образование, – 15,2%
	Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, – 24,3%
	Руководители разных уровней – 5,1%
	Предприниматели и самозанятые – 4,8%
Тип собственности предприятия, $n = 1409$	Негосударственное – 60,7% (база) Государственное – 39,3%
Обеспечение работодателем своевременной выплаты заработной платы, $n = 1409$	Не обеспечивает – 4,2% (база) Обеспечивает – 95,8%
Обеспечение работодателем «белой» зарплаты, $n = 1409$	Не обеспечивает – 37,1% (база) Обеспечивает – 62,9%
Обеспечение работодателем оплаты отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах, $n = 1409$	Не обеспечивает – 33,6% (база) Обеспечивает – 66,4%
Оформление отношений с работодателем, $n = 1409$	Не на официальной и/или на непостоянной основе – 20,5% (база) На официальной постоянной основе – 79,5%
Продолжительность рабочей недели, $n = 1368$	От 45 часов – 43,0% (база) До 45 часов включительно – 57,0%
Логарифм индивидуального дохода	Непрерывная переменная

На значимость представленных в таблице 4 переменных уже обращалось внимание при теоретическом анализе проблемы восприятия межгрупповых

противоречий. Однако помимо упомянутого в нём соблюдения базовых трудовых прав работников, внимания заслуживает и фактор, связанный с продолжительностью рабочей недели. Исследование китайских учёных показало, что сверхурочная работа также существенно связана со снижением субъективного восприятия своего социального статуса и чувством социальной исключённости. Переработки усиливают ощущение эксплуатации и несправедливости происходящего, что в итоге уменьшает чувство принадлежности к сообществу в целом или социальной группе и, как следствие, способно повысить болезненность восприятия имеющихся в обществе социальных конфликтов [25]. Нельзя забывать и о роли социальных идентичностей – чем сильнее групповая идентичность и чем теснее она связана с «угнетённой» или «властной» позицией, тем острее индивид воспринимает межгрупповые противоречия и угрозы [26]. Также стоит упомянуть, что сотрудники государственного сектора чаще склонны демонстрировать выраженные ценности самоотдачи, ориентации на социальное благо и конформизма по сравнению с работниками частного сектора [27], что снижает остроту переживания ими межгрупповых конфликтов.

Отметим, что в переменной «продолжительность рабочей недели» использовано значение в 45 часов, т. к. это медианное и среднее значение по массиву. При этом на этапе построения итоговой модели ко всем вышеописанным переменным, включённым в регрессионный анализ по работающим, были добавлены сразу все переменные из таблицы 2. Результаты построения базовой и итоговой моделей по работающим респондентам представлены в таблице 5, по промежуточным моделям – в таблице 2 Приложения.

Таблица 5

Результаты построения регрессионных моделей по работающим респондентам

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Пол (база – мужской)	-0,069	-0,236
Возраст	-0,001	0,001
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>		
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,375	0,139
Высшее образование	0,843**	0,707
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,332	-1,209
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>		
Областные, краевые, республиканские центры	0,547	0,927
Районные центры и города, не являющиеся районными	0,708	0,757
ПГТ и сёла	1,199***	1,450***
Продолжительность рабочей недели – до 45 часов включительно и более 45 часов (база – от 45 часов)	-	0,661***

Окончание таб. 5

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Тип собственности предприятия – государственное или негосударственное (база – негосударственное)	-	-0,114
Логарифм индивидуального дохода	-	-0,125
<i>Профессиональный статус (база – рабочие до 4-го разряда включительно)</i>		
Предприниматели и самозанятые	-	0,104
Руководители разных уровней	-	-0,299
Специалисты на должностях с высшим образованием	-	0,016
Специалисты на должностях без высшего образования	-	0,449
Работники сферы торговли и бытового обслуживания	-	0,581
Рабочие от 5-го разряда и выше	-	0,387
Обеспечение работодателем своевременной выплаты заработной платы (база – нет)	-	1,200
Обеспечение работодателем «белой» зарплаты (база – нет)	-	0,441
Обеспечение работодателем оплаты отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах (база – нет)	-	0,151
Оформление отношений с работодателем (база – не на официальной постоянной основе)	-	-0,722
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	-	1,324***
Наличие за последний год каких-либо серьёзных проблем (база – сталкивались с проблемами)	-	0,907***
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	0,431
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	0,050

Как видим, и в базовой, и во всех последующих моделях, построенных для работающей части респондентов, жители двух столиц, на фоне характерных для Москвы и Санкт-Петербурга глубочайших социальных неравенств и больших миграционных потоков, склонны воспринимать противоречия в целом болезненное жителей других типов поселений. То же касается и двух других наиболее значимых переменных в проведённом анализе – изменений в материальном положении и наличия каких-либо серьёзных проблем за последний год, что в очередной раз подтверждает их стабильно высокое влияние на восприятие остроты противоречий в российском обществе.

Однако итоговый анализ восприятия остроты межгрупповых противоречий работающими россиянами позволил сделать новые выводы. Так, «позитивный» характер наличия у респондента высшего образования для смягчения восприятия остроты межгрупповых противоречий у работающих даже усилился, причём такое изменение прослеживается во всех моделях. При этом наличие двух высших образований или степени магистра и выше вновь продемонстрировало

свою негативную роль в плане более острого восприятия социальных противоречий. Подтверждение этого факта нашлось и в данных таблицах сопряжённости. Если имеющие одно высшее образование не видят острых противоречий чаще, чем россияне в среднем (19,3% против 15,5%), то респонденты, имеющие два высших образования или степень магистра и выше, наоборот, воспринимают противоречия намного острее остальных – лишь 5,8% респондентов в этой группе вообще не видят острых противоречий в российском обществе. Пол, возраст и индивидуальный доход оказались для работающих россиян, как и для россиян в целом, не значимы. Малозначимыми оказались и показатели типа собственности предприятия, на котором работает респондент, а также его профессиональный статус. Стоит отметить лишь высокую относительно других профессиональных групп склонность к более спокойному восприятию противоречий у специалистов на должностях без высшего образования и у высококвалифицированных рабочих (от пятого разряда и выше).

Ещё одним показателем с достаточно высокой степенью значимости оказалось обеспечение работодателем респондента своевременной выплатой заработной платы. Добросовестное соблюдение этого трудового права заметно понижает градус остроты восприятия противоречий в российском обществе. Однако такие результаты прослеживаются только в итоговой модели.

На восприятие работающей частью населения острых социальных противоречий заметно влияет и продолжительность их рабочей недели. Респонденты, у которых этот показатель ниже среднего по массиву (18,1%), относятся к наличию противоречий в российском обществе куда спокойнее тех, у кого это значение выше среднего (10,4%). Это соотносится с полученными ранее выводами о роли баланса труда и отдыха как одного из важнейших факторов, влияющих на восприятие россиянами всего комплекса проблем, связанных с межгрупповыми противоречиями в обществе и собственным социальным благополучием [28], а также с уже упоминавшимися выводами, полученными китайскими учёными [25].

Среди других результатов анализа по таблицам сопряжённости стоит выделить также высокую значимость для работающих такого фактора восприятия остроты противоречий, как наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп. Так, те работающие, у кого есть подобные члены семьи, видят острые противоречия в российском социуме в 1,5 раза чаще тех, у кого их нет.

Подводя итоги анализа восприятия межгрупповых противоречий в российском обществе работающими россиянами, можно сделать вывод о том, что их взгляды воспроизводят характерную для страны в целом картину. Однако есть и отличия – для них большее значение в формировании оценок имеют уровень образования, а также условия занятости, прежде всего продолжительность рабочей недели и своевременность выплаты заработной платы.

Есть ли свои особенности восприятия остроты противоречий в российском обществе у неработающей части населения? С целью получения ответа на этот вопрос для данной группы респондентов ($n = 589$) были построены отдельные

модели логистической регрессии. В базовую модель вошли всё те же социально-демографические характеристики, к которым в итоговой модели были добавлены дополнительные объективные переменные из общего регрессионного анализа. Уникальной для неработающих была только одна переменная – семейное положение, в которой базовой категорией послужили вдовы или разведённые (34,2%). Результаты построения моделей регрессии по неработающим представлены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты построения регрессионных моделей по неработающим респондентам

Независимые переменные	Модели		
	Базовая	1	Итоговая
Пол (база – мужской)	0,748*	0,684	0,813
Возраст	-0,005	-0,008	-0,007
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>			
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	-0,199	-0,187	-0,156
Высшее образование	-0,324	-0,316	-0,026
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>			
Областные, краевые, республиканские центры	1,537	1,529	1,913
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,705*	1,703*	1,788
ПГТ и сёла	2,289***	2,302***	2,565***
Семейное положение (вдовы или разведённые и остальные) (база – вдовы или разведённые)	-	-0,215	-0,542
Изменения в материальном положении за последний год – осталось прежним или улучшилось (база – ухудшилось)	-	-	1,768***
Наличие за последний год каких-либо серьёзных проблем (база – сталкивались с проблемами)	-	-	1,135***
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-0,325
Логарифм индивидуального дохода	-	-	-0,047

Как видно из данных таблицы 6, тип поселения по месту жительства является одной из наиболее значимых переменных для восприятия остроты противоречий и среди неработающих россиян. При этом проживание в ПГТ и сёлах ещё сильнее влияет на более спокойное восприятие противоречий, чем в среднем по стране.

Отдельно стоит отметить поменявший свою направленность, в сравнении с ситуацией среди работающих граждан, вектор влияния уровня высшего образования на остроту восприятия противоречий. Среди неработающих наличие

поствысшего образования, наоборот, понижает градус болезненности восприятия противоречий ($\beta = 1,291$ в итоговой модели), в то время как наличие просто высшего образования, его повышает. Смена вектора влияния касается и показателя доходов от собственности, который также продемонстрировал для данной группы высокую значимость, однако уже с негативной направленностью (-1,119).

Семейное положение неработающих как фактор восприятия остроты межгрупповых противоречий не явилось значимым фактором. Зато важным фактором стала значимость не проявившей себя в других линиях анализа переменной, характеризующей пол респондентов. Как оказалось, неработающие женщины намного спокойнее воспринимают межгрупповые противоречия российского общества, нежели неработающие мужчины (19,7% женщин против 11,8% мужчин не видят таких противоречий).

В заключение отметим, что для неработающих, как и для работающих россиян особо значимыми в формировании оценок восприятия остроты противоречий является динамика их материального положения за последний год, а также наличие серьёзных проблем, с которыми они столкнулись за последний год перед опросом.

Выводы

Многие межгрупповые противоречия российского общества по-прежнему воспринимаются гражданами страны особо остро. При этом причины такого отношения неоднородны и зачастую далеко не очевидны. Однако в последние годы можно наблюдать признаки трансформации сознания российского общества в условиях кардинальных изменений в стране и мире, сочетания в нём как традиционных, так и инновационных компонентов в восприятии межгрупповых противоречий. Это восприятие характеризуется пусть и медленным, но всё же ростом спокойного отношения к ним среди россиян: вдвое выросло за последние 20 лет число тех, кто не видит острых противоречий в нашем социуме.

Результаты исследования позволяют заключить, что, несмотря на несомненную значимость субъективных факторов для формирования оценок россиянами остроты межгрупповых противоречий, многие объективные факторы повседневной жизни респондентов значимо влияют на восприятие остроты ключевых социальных противоречий. Можно выделить три основных объективных фактора, повышающих болезненность восприятия межгрупповых противоречий среди россиян. Во-первых, проживание в Москве и Санкт-Петербурге – с характерными для них глубокими социальными неравенствами: не видят острых противоречий в них только 6,3% опрошенных. Во-вторых, это нисходящая динамика материального положения, свидетельствующая о недавнем ухудшении условий жизни человека. В-третьих, наличие у респондентов серьёзных проблем за последний год перед опросом, которые также вынуждают индивида болезненнее воспринимать всю окружающую действительность, в том числе и межгрупповые противоречия.

Основные факторы остроты восприятия межгрупповых противоречий в российском обществе имеют для работающей и неработающей части населения не только общие, но и уникальные составляющие. Для работающих россиян уникальными значимыми предикторами выступают уровень образования и продолжительность рабочей недели. В свою очередь, только для неработающей части населения важным фактором является гендерная принадлежность.

В целом проведённый анализ подтвердил, что на остроту восприятия межгрупповых противоречий влияют многие факторы, о роли которых в этой связи говорили как отечественные, так и зарубежные учёные. В их числе нисходящая социальная мобильность, место жительства, пол и переработки. Однако результаты исследования показали также, что в отношении к противоречиям есть у россиян и не фиксировавшаяся ранее специфика, проявляющаяся в том, что сам по себе уровень доходов в отрыве от субъективного его восприятия не повышает уровень болезненности восприятия межгрупповых противоречий. Это же касается и наличия/отсутствия доходов от собственности. Стоит также отметить и выявленную значимость среди неработающих семейного положения и гендера при формировании их восприятия остроты межгрупповых противоречий в современном российском обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN XJGBFE.
2. Тихонова Н. Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30). EDN OXRIAV.
3. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development // The quarterly journal of economics. 1973. Vol. 87, № 4. P. 544–566.
4. Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248. EDN SKFTQB.
5. Реутов Е. В., Захаров В. М., Реутова М. Н. Социальное неравенство в российском обществе: характер и особенности восприятия // Власть. 2018. Т. 26, № 6. С. 28–34. DOI [10.31171/vlast.v26i6.5885](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5885). EDN VBFSZI.
6. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? // An Economist's Lessons on Happiness. Cham : Springer, 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61962-6_4).
7. Слободенюк Е. Д., Мареева С. В., Каравай А. В. Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 29–41. DOI [10.31857/S013216250024234-0](https://doi.org/10.31857/S013216250024234-0). EDN EZZMVN.
8. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 4. С. 4–21. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742). EDN DOBOJS.

9. Erdölek Kozal Ö., Gürel Günel G. Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world // *Ege academic review*. 2023. Vol. 23, № 4. P. 709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](https://doi.org/10.21121/eab.1355923).
10. Глотов В. И., Бахтизин А. Р., Волкова М. И. Социальная напряжённость в субъектах Российской Федерации. Анализ причин и последствий // *Федерализм*. 2019. № 4 (96). С. 142–160. DOI [10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160](https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160). EDN **ACDRZU**.
11. Márquez Romo C., Bienstman S., Gangl M. Increasingly polarized? Inequality, prosperity, and perceived socioeconomic conflict in advanced economies (1987–2019) // *European Sociological Review*. 2025. P. 1–18. DOI [10.1093/esr/jcaf052](https://doi.org/10.1093/esr/jcaf052). EDN **FVKRNM**.
12. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs // *Acta Sociologica*. 2019. P. 1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
13. Runciman W. G. *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England*. London; New York : Routledge, 1966. 374 p.
14. Schneider S. M. Why income inequality is dissatisfying – perceptions of social status and the inequality-satisfaction link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35, № 3. P. 409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003). EDN **MAFUDN**.
15. Haddon E., Wu C. How Does Actual Inequality Shape People’s Perceptions of Inequality? A Class Perspective // *Sociological Perspectives*. 2021. Vol. 65. P. 1–23. DOI [10.1177/07311214211062106](https://doi.org/10.1177/07311214211062106).
16. Wu M., Yan Ya, Kong D. The Impact of Social Environment Perception on Relative Deprivation among Residents in Rural Tourism Destinations // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, № 20. P. 8937. DOI [10.3390/su16208937](https://doi.org/10.3390/su16208937). EDN **RHICGB**.
17. Inequality is rising where social network segregation interacts with urban topology / G. Tóth, J. Wachs, R. Di Clemente [et al.] // *Nature Communications*. 2021. Vol. 12, № 1. P. 11–43. DOI [10.1038/s41467-021-21465-0](https://doi.org/10.1038/s41467-021-21465-0). EDN **NWNXHI**.
18. Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // *Вестник ТюмГУ*. 2009. № 4. С. 4–19. EDN **KYDRDN**.
19. Associations of objective and subjective relative deprivation with health, happiness, and life satisfaction / Ch. T. Kuo, D. R. Chen, P. Sh. Liao, I. Kawachi // *SSM. Population Health*. 2024. Vol. 28. P. 101727. DOI [10.1016/j.ssmph.2024.101727](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101727). EDN **RWCAXE**.
20. Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1). EDN **HGVOFG**.
21. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats / D. Stevens, S. Bulmer, S. Banducci, N. Vaughan-Williams // *European Journal of International Security*. 2021. Vol. 6, № 1. P. 44–65. DOI [10.1017/eis.2020.14](https://doi.org/10.1017/eis.2020.14). EDN **FZCDQH**.
22. Sarkar R., Parween S. Disability and Exclusion: Social, Education and Employment Perspectives // *Bhutan Journal of Research and Development*. 2021. Vol. 10, № 2. P. 29–47. DOI [10.17102/bjrd.rub.10.2.003](https://doi.org/10.17102/bjrd.rub.10.2.003). EDN **VTIHRH**.
23. Han S. Homeownership, Income and Social Trust: Exploring Dynamics Between Homeownership, Income, and Individuals’ Perceptions of Autonomy and Social Trust in South Korea // *Social Indicators Research*. 2024. Vol. 176. P. 569–591. DOI [10.1007/s11205-024-03481-x](https://doi.org/10.1007/s11205-024-03481-x). EDN **ZFXUOB**.
24. Дудин И. В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // *Социологический журнал*. 2024. Т. 30, № 1. С. 90–112. DOI [10.19181/socjour.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5). EDN **GTQHVY**.

25. *Chen Y., Li P., Yang C.* Examining the Effects of Overtime Work on Subjective Social Status and Social Inclusion in the Chinese Context // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, № 9. P. 3265. DOI [10.3390/ijerph17093265](https://doi.org/10.3390/ijerph17093265). EDN NEMQKI.
26. *Tajfel H., Turner J.* An integrative theory of intergroup conflict // *Intergroup relations: Essential readings* / Eds. M. A. Hogg, D. Abrams. New York, NY : Psychology Press, 2021. P. 94–109.
27. *Bilgram M. F., Hansen J. R., Wulff J. N.* Public and private differences in employees' values: a cross-country investigation of Schwartz's basic human values theory // *International Public Management Journal*. 2023. Vol. 26, № 6. P. 807–828. DOI [10.1080/10967494.2023.2195212](https://doi.org/10.1080/10967494.2023.2195212). EDN HGQDTE.
28. *Дудин И. В.* Основные факторы острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. // *Социологическая наука и социальная практика*. 2025. Т. 13, № 2. С. 45–66. DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.3). EDN KOBQGD.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Результаты построения промежуточных регрессионных моделей
для населения в целом

Независимые переменные	Модели				
	1	2	3	4	5
Пол (база – мужской)	0,121	0,212	0,209	0,141	0,144
Возраст	-0,001	-0,001	-0,005	-0,004	-0,004
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>					
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,024	0,080	0,172	0,101	0,092
Высшее образование	0,263	0,313	0,415	0,399	0,377
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,787	-0,327	-0,373	-0,226	-0,255
Наличие занятости (база – не работающие)	-0,331	-0,183	-0,342	-0,255	-0,264
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>					
Областные, краевые, республиканские центры	1,031***	0,826**	0,918**	0,789**	0,784**
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,084***	0,875**	0,934**	0,925***	0,916***
ПГТ и сёла	1,557***	1,378***	1,629***	1,448***	1,438***
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	1,489***	-	-	-	-

Окончание таб. 1

Независимые переменные	Модели				
	1	2	3	4	5
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (база – сталкивались с проблемами)	-	1,013***	-	-	-
Логарифм индивидуального дохода	-	-	0,151	-	-
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	-	-	0,044	-
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-	-	0,306

Таблица 2

Результаты построения промежуточных регрессионных моделей по работающему населению

Независимые переменные	Модели					
	1	2	3	4	5	6
Пол (база – мужской)	-0,156	-0,074	-0,017	-0,161	-0,075	-0,070
Возраст	-0,004	-0,002	-0,003	-0,001	-0,001	-0,001
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>						
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,425	0,374	0,398	0,318	0,339	0,380
Высшее образование	0,888***	0,830**	0,801**	0,910	0,766**	0,850**
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,651	-0,349	-0,681	-0,122	-0,425	-0,323
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>						
Областные, краевые, республиканские центры	0,877	0,557	0,761	0,544	0,534	0,550
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,014*	0,713	0,795	0,685	0,667	0,711
ПГТ и сёла	1,518***	1,209***	1,401***	1,201***	1,231***	1,200***
Продолжительность рабочей недели – до 45 часов включительно и более 45 часов (база – от 45 часов)	0,678***	-	-	-	-	-
Тип собственности предприятия – государственное или негосударственное (база – негосударственное)	-	0,045	-	-	-	-
Логарифм индивидуального дохода	-	-	0,081	-	-	-

Окончание таб. 2

Независимые переменные	Модели					
	1	2	3	4	5	6
<i>Профессиональный статус (база – рабочие до 4-го разряда включительно)</i>						
Предприниматели и самозанятые	-	-	-	0,095	-	-
Руководители разных уровней	-	-	-	-0,395	-	-
Специалисты на должностях с высшим образованием	-	-	-	0,181	-	-
Специалисты на должностях без высшего образования	-	-	-	0,444	-	-
Работники сферы торговли и бытового обслуживания	-	-	-	0,449	-	-
Рабочие от 5-го разряда и выше	-	-	-	0,255	-	-
Обеспечивает ли работодатель своевременную выплату заработной платы (база – нет)	-	-	-	-	0,140	-
Обеспечивает ли работодатель «белую» зарплату (база – нет)	-	-	-	-	0,434	-
Обеспечивает ли работодатель оплату отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах (база – нет)	-	-	-	-	-0,071	-
Как оформлены отношения с работодателем (база – не на официальной постоянной основе)	-	-	-	-	-	-0,030
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	-	-	-	-	-	-
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (база – сталкивались с проблемами)	-	-	-	-	-	-
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	-	-	-	-	-
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-	-	-	-

Сведения об авторе

И. В. Дудин

младший научный сотрудник

SPIN-код: 3798-0076

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 24.02.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.3)

OBJECTIVE FACTORS IN THE ATTITUDES OF THE MODERN RUSSIA POPULATION TOWARDS THE ACUTENESS OF SOCIAL CONTRADICTIONS: A COMPARISON OF SIGNIFICANCE DEGREE

Il'ya Vasil'evich Dudin

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958)

For citation: Dudin I. V. Objective factors in the attitudes of the modern Russia population towards the acuteness of social contradictions: a comparison of significance degree. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):57–80. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.3).

Abstract. The perception of intergroup conflicts is determined both by the objective position of individuals in the system of socio-economic inequalities and by their subjective worldview attitudes. At the same time, both domestic and foreign scholars usually focus on subjective factors that influence the perception of intergroup conflicts. However, objective characteristics can also have a significant impact on individuals' attitudes toward social conflicts. The reasons for their influence on Russians' attitudes toward various conflicts are far from simple, and their comparative significance is far from obvious. Given the role of this issue in the context of radical changes in the country and the world, as well as the intensification of external challenges for Russia in recent years, it is particularly important to understand why, as shown in the article, the painful perception of many intergroup conflicts has been traditional for public consciousness in Russia in recent decades. A new trend, however, is that the set of social contradictions that have been troubling Russians over the past 20 years has changed quite significantly. Based on data from a representative nationwide study conducted by the IS FCTAS RAS in 2024, this article uses regression analysis to show which factors currently have the strongest influence on the perception of Russian citizens that there are acute intergroup conflicts in Russian society. In particular, it has been demonstrated that the painful perception of intergroup conflicts is primarily influenced by such objective factors as living in Moscow and St. Petersburg, which are characterized by the deepest social inequalities, a downward trend in material well-being, and the presence of serious problems in their lives in the year preceding the survey. At the same time, for the working part of the country's population, the level of education, the length of the working week, and the timeliness of wage payments are also of great importance, while among the unemployed, the likelihood of a painful perception of conflicts (in addition to the factors common to all Russians) is increased by being male and having a family.

Keywords: social contradictions, intergroup conflicts, intergroup contradictions, social consolidation, social tension, mass consciousness

REFERENCES

1. Tikhonova N. E., Mareeva S. V., Anikin V. A. et al. Society of unequal opportunities: social structure of modern Russia. N. E. Tikhonova, ed. Moscow: Ves' Mir; 2022. 424 p. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731).
2. Tikhonova N. E. The worldviews and identities of the mass strata of modern Russian society. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*. 2020;29(1):6–30. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30).
3. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *The quarterly journal of economics*. 1973;87(4):544–566.
4. Gimpelson V. E., Monusova G. A. Perception of inequality and social mobility. *Higher School of Economics Economic Journal=Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2014;18(2):216–248. (In Russ.).
5. Reutov E. V., Zakharov V. M., Reutova M. N. Social inequality in the Russian society: character and features of perception. *Authority=Vlast'*. 2018;26(6):28–34. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i6.5885](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5885).
6. Easterlin R. A. How does health affect happiness? In: An economist's lessons on Happiness. Cham: Springer; 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61962-6_4).
7. Slobodenyk E. D., Mareeva S. V., Karavay A. V. Perceptions of inequality as a factor of investments in human capital (an empirical analysis). *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(6):29–41. (In Russ.).
8. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic Review=Demograficheskoye obozreniye*. 2022;9(4):4–21. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742).
9. Erdölek Kozal Ö., Gürel Günel G. Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world. *Ege academic review*. 2023;23(4):709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](https://doi.org/10.21121/eab.1355923).
10. Glotov V. I., Bakhtizin A. R., Volkova M. I. Social tension in Russian regions. Analysis of causes and consequences. *Federalism=Federalizm*. 2019;4(96):142–160. (In Russ.). DOI [10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160](https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160).
11. Márquez Romo C., Bienstman S., Gangl M. Increasingly polarized? Inequality, prosperity, and perceived socioeconomic conflict in advanced economies (1987–2019). *European Sociological Review*. 2025:1–18. DOI [10.1093/esr/jcaf052](https://doi.org/10.1093/esr/jcaf052).
12. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*. 2019:1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
13. Runciman W. G. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. London; New York: Routledge; 1966. 374 p.
14. Schneider S. M. Why income inequality is dissatisfying – perceptions of social status and the inequality-satisfaction link in Europe. *European Sociological Review*. 2019;35(3):409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003).
15. Haddon E., Wu C. How does actual inequality shape people's perceptions of inequality? A class perspective. *Sociological Perspectives*. 2021;(65):1–23. DOI [10.1177/07311214211062106](https://doi.org/10.1177/07311214211062106).
16. Wu M., Yan Y., Kong D. The impact of social environment perception on relative deprivation among residents in rural tourism destinations. *Sustainability*. 2024;16(20):8937. DOI [10.3390/su16208937](https://doi.org/10.3390/su16208937).
17. Tóth G., Wachs J., Clemente R. Di., [et al.]. Inequality is rising where social network segregation interacts with urban topology. *Nature Communications*. 2021;12(1):11–43. DOI [10.1038/s41467-021-21465-0](https://doi.org/10.1038/s41467-021-21465-0).

18. Toschenko Zh. T. The split of public consciousness as a threat to Russia's transformation. *Herald of Tyumen State University=Vestnik of Tyumen State University*. 2009;(4):4–19. (In Russ.).
19. Kuo Ch. T, Chen D. R, Liao P. S, Kawachi I. Associations of objective and subjective relative deprivation with health, happiness, and life satisfaction. *SSM. Population Health*. 2024;(28):101727. DOI [10.1016/j.ssmph.2024.101727](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101727).
20. Tikhonova N. E., Dudin I. V. The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):6–24. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1).
21. Stevens D., Bulmer S., Banducci S., Vaughan-Williams N. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats. *European Journal of International Security*. 2021; 6(1):44–65. DOI [10.1017/eis.2020.14](https://doi.org/10.1017/eis.2020.14).
22. Sarkar R., Parween S. Disability and exclusion: social, education and employment perspectives. *Bhutan Journal of Research and Development*. 2021;10(2):29–47. DOI [10.17102/bjrd.rub.10.2.003](https://doi.org/10.17102/bjrd.rub.10.2.003).
23. Han S. Homeownership, income and social trust: exploring dynamics between homeownership, income, and individuals' perceptions of autonomy and social trust in South Korea. *Social Indicators Research*. 2024;(176):569–591. DOI [10.1007/s11205-024-03481-x](https://doi.org/10.1007/s11205-024-03481-x).
24. Dudin I. V. The nation's attitude towards the main social contradictions in Russian society: current state, dynamics, factors. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2024;30(1):90–112. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5).
25. Chen Y., Li P., Yang C. Examining the effects of overtime work on subjective social status and social inclusion in the Chinese context. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(9):3265. DOI [10.3390/ijerph17093265](https://doi.org/10.3390/ijerph17093265).
26. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict. In: M. A. Hogg & D. Abrams, eds. *Intergroup relations: essential readings*. New York: Psychology Press; 2021. P. 94–109.
27. Bilgram M. F., Hansen J. R., Wulff J. N. Public and private differences in employees' values: a cross-country investigation of Schwartz's basic human values theory. *International Public Management Journal*. 2023;26(6):807–828. DOI [10.1080/10967494.2023.2195212](https://doi.org/10.1080/10967494.2023.2195212).
28. Dudin I. V. Key factors of Russians' acute perception of the contradiction between rich and poor in 2024. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):45–66. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.3).

Information about the Author

I. V. Dudin

junior researcher

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-9010-2022)

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 24.02.2026.